

Фарид Гусейн

Больше никогда

(стихотворения)

**Центр художественного перевода и
литературных связей Азербайджана
2017**

*Перевод с азербайджанского
Ниджата Мамедова*

*Редактор
Чингиз Алиоглу*

Фарид Гусейн. **Больше никогда**
Баку, 2017, 168 с.

В книге собраны стихи одного из ярких, выдающихся представителей современной азербайджанской поэзии Фариды Гусейна. Стихи, вобравшие в себя общечеловеческие ценности и духовные потрясения, отличаются разнообразием тематики и непривычным ракурсом. Новизна мышления в этих поэтических примерах, в которых удачно совмещены мировоззрение и мышление Востока и Запада, может считаться новаторским поэтическим осмыслением современности мира.

ISBN 978 9952 504 99 6

© Ф. Гусейн, 2017

*Строки
воспитания
души*

Фарид Тусейн

Торжественное разочарование

Моя жизнь прошла как отзвук торжественного разочарования,
Сорвавшийся с аплодирующих рук.
Хотя я вполне мог бы прожить как пара
Стоящих стихотворений в непрочитанных книгах.

Должен, я должен был найти в словах место неопределенности
В усталых глазах матери,
Ожидающей перед тюрьмой тело своего сына,
Но мне удалось всего лишь увидеть то, как
Арестант, чья женщина не пришла на встречу,
Тоскливо ждет солнца в облачную погоду:
А до всего этого
Я вычитал в книге следующую фразу:
«Человек никогда не бывает совершенно несчастен»¹.

¹ Из речи Мерсо – героя романа Альбера Камю «Посторонний».

Я всё увидал, что Бог показал,
Увидал, что нить воздушного змея славы в руках у другого,
Что приходится чуточку играть героя, чтоб тебя полюбили,
Что осыпанный проклятьями в чем-то уподобляется пророкам,
А любовные песни превращаются в гул мотора,
Увидал, что воспоминания блуждают во мне точно осколки,
И после всего
Я не стал прекословить судьбе
Точно деревья, повинующиеся приказам ветра.

Сон, рассказанный пророку Юсифу

Быть забытым – слиться с собственной историей,
Будучи забытым
Сливаюсь с тем днем, когда Ева не была еще сотворена.
Сейчас я учусь молчанию у могилы отца –
Человека, который некогда обучил меня речи,
Рассказываю фотографии отца о своей боли,
Которой больше не делюсь с матерью.
Юсиф, каково это быть забытым во мраке колодца?

Чем более совестливым становится человек,
Тем больше припоминает лишь свои грехи,
А когда грехи превращаются в воспоминания,
Счастье сбегает из «охваченной войной страны» в твоей душе.
Посохом Мусы
Надвое поделены мои воспоминания и жизнь –
И мне уже не перейти на сторону жизни.

Чтоб накормить своих любимых –
Неоперившихся птенчиков –

Я как пеликан² погрузил свой клюв в свою же плоть,
А после того, как отдал концы, сказали вослед: «Как хорошо,
Что он умер, нам так надоело каждый день есть одно и то же».
Юсиф, клянусь Творцом неблагодарных двуногих,
Тебе жизнь даровали не для того, чтобы очутиться в колодце,
Мне жизнь даровали не для того, чтоб заполнять колодец в душе.

Часть человечества по сию пору
Тратит 30 сребреников Иуды.
Мы тоже просим даров от Господа,
Но уже не от «волчьего стола».
Хочу всех позабыть и писать лишь затем,
Но не хватает сил,
Именно потому написанное не остужает боль.
Утешать меня словами всё равно,
Что «читать заклинание заклинателю»³.
Теперь слова, может, всего лишь уста воспоминаний,
Без запинок в силах поведать о днях, полных Им.

² «Повествование о пеликане» встречается в христианских апокрифах

³ Это выражение встречается в творчестве Низами Гянджеви – используется в значении: «учить ученого», «напрасно стараться»

Юсиф,
Горесть разъедает наше нутро, не прикасаясь к лицам,
Точь-в-точь как тебя «растерзавший волк» не тронул твоей рубахи⁴.
Лучше всего – отдалиться ото всех и бродить одному –
Человек живет по мере того, как шагает.

Юсиф, тебе ведома глубина земли,
На сколько локтей зарыть любовь,
Чтоб на ее месте выросло забвение
И наш пульс перестал бы отзываться на милые имена?

Ничто не поражает человека так, как его судьба,
Из этого неведения рождаются мечты в тысяче обличий.
Теперь я могу утешить несчастье, порожденное единением любви
Лишь многобожием нафса⁵,
И это причиняет мне муку.

⁴ Братья пророка Юсифа, бросившие его в колодец, лгут отцу. Говорят, что его растерзали хищные звери. Но отца при виде принесенной сыновьями рубахи Юсифа охватывают сомнения и подозрения: как может уцелеть рубаха Юсифа, если того растерзал волк?

⁵ Нафс, в исламе — сущность человека, его «Я». Нафсом также называют страсти, все отрицательные черты души, которые присущи людям и джиннам.

С возрастом судьба накидывает
Срок заключения в застенках памяти.
В камере всегда четыре стены,
А ты один.
Хочешь сбежать,
Но потолок и пол «бьются» на стороне стен.

Юсиф, быть может, самые жестокие вещи в мире –
Не оружие, а двери,
Захлопнутые перед тобой.
К тому же двери домов, где некогда
Проходили твои беззаботные счастливые дни.

Один мой друг говорил, что страдания позволяют человеку расти,
Я не жалею на страдания,
Просто боюсь вырасти и не найти себе ровесников.
Беззаботность слов – вот что меня удивляет:
Хоть правда, хоть ложь – сохраняют спокойствие.

Нафс рвет нить, которой сердце крепится к душе
И жемчужины внутри сыплются наземь.
Все целую жизнь ученики совести,
А «уроки воспитания души»⁶ не знают конца.
Наверно, поэтому человек до самой смерти
Водит с собой «волчью дружбу»⁷.

Юсиф, глас в пустыне стал твоим спасением,
А я всё еще глух в колодце своего нутра.
Не вижу ни вестников рая, ни символов ада –
...Взываю к Всевышнему...

⁶ Данное выражение, использующееся в классической азербайджанской литературе, означает бесконечный путь совершенствования человека.

⁷ Данное выражение, использующееся в классической азербайджанской литературе, используется в смысле вражды человека с самим собой.

Узелок воспоминаний

После неверных друзей,
Пустых надежд
Ужесточается «паспортный контроль» в сердце.

Стоит развязать узелок воспоминаний,
Как тут же пламя охватывает твоё прошлое
И горит твоё сегодня,
А будущее превращается в пепел...

Смотрю: люди шагают, торопятся, смеются...
Но не слышно ни топота, ни отзвука смеха,
Будто некий «блатной» пересчитывает новехонькие купюры...

О Надежда, выкрывшая имя своё у лучших дней,
Иди играйся с детьми,
Сбегай с уроков философии жизни...

Ты же, мой друг, не обижайся, не пеняй на себя,
Только моли о том,
Чтоб совесть помнила грехи, как горло ком...

«Посвящение» террору

Надо жить быстро –
Смертный час перевели вперед,
Стрелки отмотали назад...

Надо быстро вырастить детей,
Наскоро выкинуть соски,
Не то бомбы-крошки
Врозь наденут на милые ножки...

Наспех надо жениться,
Вместе состариться,
Выпить воды, воздухом надыхаться,
Вдоволь миром пропитаться...

О звуки выстрелов, откуда вам знать:
Смерть – это миг, прерывающий крик,
Жизнь – это вечность, когда выстрел настиг.

Камни-объятья последнему вздоху

Не жалею:

Летел на крыльях, вот и ранен в крыло

И вечные камни раскрыли объятья последнему вздоху.

Не жалею:

Кроме тебя никого не полюбил,

Знаю, «вор не вернет украденного»⁸ ...

Не жалею:

Я отпечатал в зрачках прутья решеток,

И теперь ясно вижу вашу свободу.

Не жалею:

Сминаю в порошок мифического героя внутри

В ступе повседневности...

⁸ Это выражение использовано в ряде произведений поэтов классической Восточной литературы. Используется в значении: сделанного не воротишь, пропавшее не найти, взятое не отберешь.

Нет, жалею, надо правду сказать:

Судьбу как зеркало надел на глаза

И ослеп, не вижу ни аза...

Я

Я – яблоко, надкушенное Евой,
Счастье мое – быть протянутым Адаму.
Может, счастье не в том, чтобы вместе состариться в раю,
А быть вместе изгнанным.

Мое сердце – Ноев ковчег:
Его поделили надвое твои и мои страдания –
Память моя с зарешеченными глазами оборачивается
На то, как мои дни с тобой утопают в водах...

Я – звук гвоздей, вбиваемых в крест,
Бегу навстречу своему последнему вдоху...
Беру свои окаменевшие грехи
И осыпаю камнями дьявола, окликающего нас...
Лучший свой выдох оставляю для сынишки,
Чтобы надуть его шар...

Моя жизнь

Поделите мою жизнь –
Пусть до 18-ти поведает мать,
До 25-ти любимая,
Остальное – друзья,
И подойдет к концу повесть моя...
Не то какая-нибудь Шахрезада
Бойко включит в байку свою.
Не хочу, не надо...

Утешение

Нас не убили сразу, значит, никогда не любили,
Наше сердце перевернули на тыльную сторону:
Но мы не смогли жить этой стороной,
Никак не удалось обвыкнуться.
Лишь подлецы умеют так сводить концы.

В этом возрасте я понимаю,
Что когда у женщины отнимается жизнь,
Она становится матерью,
Когда жизнь отнимается у мужчины,
Он становится мёртв.
Женщине яму роет она же сама,
А мужчине – чужие.

Возьмемся за руки назло цепям,
Посмотрим глаза в глаза, чтоб солнце сморгнуло.
Споём нежнейшие песни
Самому усталому человеку,
Пусть мир отдохнет.

Мухаммеду Хади⁹

Беззаботными были те дни,
Ты продавал свои стихи,
Протягивал руки тем, кто их покупал,
Как хорошо, что ты не увидал
Весь этот торг молчания...

Теперь совесть
Покоится рядом с твоей могилой,
«Без вести пропавших» захоронили рядом¹⁰.
Мы устали, не продавая свои стихи,
А свои дни,
Запачканные руки утерли
Пот, катящийся со лба.

⁹ Мухаммед Хади (литературное имя; настоящее имя Ага-Мухаммед Гаджи-Абдуссалим оглы); (1879, Шемаха — 1920, Гянджа) — азербайджанский поэт-романтик.

¹⁰ Некоторое время могила Мухаммеда Хади считалась неизвестной. В учебниках, изданных в те годы, в биографической сводке о поэте сообщалось, что тот пропал без вести.

Если спросишь: как живете, поэты?
Ответим, если разомкнутся уста:
Отложив истину в сторону,
«читаем заклинание заклинателю».
По ночам гложем свое сердце, нутро,
По утрам «поливаем солнце водой»¹¹.

¹¹ Это выражение использовано в стихах нескольких поэтов классической Восточной литературы и имеет два значения: 1. Заниматься напрасным, бесполезным в итоге трудом. 2. Препятствовать пути добрым делам, препятствовать свет надежды.

1937-ой год, показания Фариды Гусейна в НКВД

Предупреждаю следствие:
– останусь в живых – не забуду солнце на небе.
Клянусь, что говорю правду:
Потолки многому научились у облаков.
Привожу доказательство:
Мы не жили – выросла наша детская фотокарточка.
Остаюсь при своем:
Истина – моя молочная мать.
Разоблачаю себя:
Воспоминания предали огласке увиденное в моих дневниках.
По ночам мы тайно встречались
С грезами, мыслями.
Могу указать место:
Истина скрывается в словах.
Знаю, утаивать считается преступлением –
Один раз я был влюблен по-настоящему.
...Подтверждаю преднамеренное своей же подписью.

«Не могу молчать»

Посвящается Льву Толстому

Теперь совестливые люди воспаляются с четырех сторон –
А горит как всегда душа.
Это не самоубийство, Лев Николаевич,
А всего лишь отказ от «спасителей».
Мы ожидаем смерть в своих кельях,
Дергают за наши удила судьбы.
Плач новорожденного не в силах заглушить
Звук шагов приближающегося палача.
Кресла опираются
На царя, думу, церковь.
Нас учат шагать для того,
Чтоб каждый добровольно шел на смерть.
Для палачей охота – всё равно что грызть семечки,
Наверно, оружие тоже тому свидетель.
Что по мне, то я скажу:
Лишь умершие за истину – герои.
Мы бежим от истины «словно палач,

Бегущий от художника, пытающегося его нарисовать»¹².
Какую метафору, подходящую нашему положению, мне написать,
Чтобы ложь из зеркала не орала мне в лицо?
Лев Николаевич, по правде, Иисус сам взобрался на крест,
Чтобы оттуда взирать на нас – лилипутов совести.
Мы приходим в мир с беззаботностью
Женщины, распеваяющей песни в душе,
И завершаем свои дни с тоской матери,
Которой давно не снится умерший сын.

¹² В тексте Льва Толстого «Не могу молчать» художник пытается нарисовать портрет палача. Палач стесняется своих кровавых дел, отказывается от всего, что ему предлагают и не дает согласия. В стихотворении дана аллюзия на этот эпизод.

Ложь

Знавали мы людей,
Разглагольствующих как телевизор –
Они надавали нам радионадежд,
Которых мы никогда не знали в лицо
И никогда не узнаем.
Однажды до нас дошло,
Что мы ждали Счастья,
Как передачу,
Время которой перенесли.

Сожаление

Позволь, о Боже,
После казни моей
Омыть кровавые руки
Своего палача.

Позволь, о Боже,
Поздравить врагов
И близких унять печаль.

Жизни мой не хватило,
Хватит ли смерти
Стереть чернила
С бумаг, исписанных сгоряча?

Для бабушки

Бабушка была слепа –
А улицы все в рытвинах.
В ту пору я был не ребенком –
А парой глаз,
Держащих ее за руку.

Бабушка умерла,
Улицы покрыли асфальтом.
Теперь я уже слеп –
Иду за ней след в след...

Кто там?

Весть дурная каждый день
Всё стучится в мои двери.
Дверь украдкой открываю...
Слышу имя я своё...
На нее как зверь бросаюсь...

Если спросят «кто там?»,
«Это ветер...», – отвечаю.
Господу лишь ведома
Вся судьба моя земная.
То грядущее зовёт.
И Господь всё знает.

Счастье

После того, как каменносердое счастье
Осталось в прошлом,
Я больше ни у кого
Не справляюсь о времени –
Я узнаю время по меткам:
«Три года назад в этот день»,
«Пять лет назад в эту пору»...
В нашу эру
Счастье – времени мера
В часовых механизмах
Бомб, что не взорвались.

Стихотворение 25-летнего

Нас выбросили в мир – в объятья истории,
К черту историю, ведь всё есть судьба.
Моя жизнь кажется мне птичьим сном –
Сплю в полете, летаю во сне.
Что мне, небо висит над моей головой,
Что мне, земля простерлась под ногами.

Выслушиваю боль человека в своем нутре –
Словно боль чужого.
Сбегаю от вопросов человека в зеркале
И втискиваюсь в промежуток между прошлым и будущим.
Знаю одно: в итоге, всё лишь судьба.

А тот свет прекрасен –
Вспоминают там всех, преданных забвению,
И выясняется, что ничто не забыто, никто не забыт.
Я съел четвертинку векового яблока,
Пусть Адам поймет мое сообщничество в грехе,
А Бог простит, в итоге, всё лишь судьба...

Прощать

Любовь к Богу – не нарушать покаяния,
Любовь к человеку – прощать каждый раз.
Надо забыть дружескую рану в спину,
Вынуть из сердца нож любимой
И с улыбкой на лице нарезать им фрукты.

Грех – судьба того, кто тебя обманул,
И того, кто заставил тебя плакать.
Надо распахнуть сердце, протянуть руку,
Оплакать чужой грех точно свой –
И простить всех, кто в грехе увяз,
Прощать каждый раз.

Понимаю

*На 50-летие Масиаги Махаммади, которого мы
Полюбили благодаря Бабуллаоглу и Сипехри...*

Вы носите очки не для того, чтоб видеть людей точнее,
А чтоб видеть их большими – великими,
Я понимаю ваши глаза.

Восток облачился в наряд Багдада,
Бомбы умирают на детских телах,
Я понимаю ваш Восток.

Дрожат мои руки, не прожившие и половины вашей жизни,
Видимо, не нашлось того, кто понял бы мои руки.
В эту минуту я выпустил джина из бутылки
И загнал в нее свой нафс,
Моя кровь обращается в розовую воду.

Ни одна обида
Не осталась неотмщенной –
В итоге всё стало судьбой.

Написанное остудило сердца,
Потому и смолкли слова на бумаге,
А я писал для того, чтобы не разлучать
Гласные от согласных.

С возрастом человек возвращает миру взятое в долг,
Но поедая мёд мы забываем жужжание пчелы:
«Человек неблагодарен» сказано в Книге¹³.

Вы нацедили жизни и хлопнули стопку,
Но ничего не убавилось в сосуде совести,
Я понимаю эту правду.

¹³ Под Книгой имеется ввиду Коран.

Когда не просят

Внутри меня живет ребенок,
Мыслит и трепещет от своей судьбы:
«Боже, ты дал всё, чего я просил в трудный день,
А в счастливый день ничего я у Тебя не просил...»
Когда правители не просят у Всевышнего
Царство своими же руками возлагает корону на вершину руин.

Поэты

Каждый вечер мы добирались домой с двумя сумками
В одной – книги, в другой – хлеб
Сперва у нас забирали сумку с хлебом.

Мы любили и птиц, как своих детей,
воробьи пили воду из наших ладоней.
От атомных бомб мы прикуривали сигареты,
причесывались ураганами,
опирались ногами на землю,
чтобы остановить землетрясение.

Мы писали стихи,
распевали песни,
спешили в кино.
А вы – в комнату, постель, виллы.
Мы с вами не встречались,
мы с вами всего лишь столкнулись...

Чего вы хотите?

Чего вы хотите,
Чтоб наши псы ходили на цепях?
Или чтоб наши руки полюбили кандалы?

Вы пустили наши босоногие истины по битому стеклу,
Не забывайте, каждая истина – богатырь.
Справедливость, как говаривал Сократ, похожа на розу,
Обрежешь шипы – на их месте вырастут стократ острее.
Вам не наскучит это болтливое садоводство,
А нам – на судьбу опираться словно на трон.

До боли знакома, до боли прожита

Я писал стихи после рецептов, –
в то время, как лекарства были бессильны.

Стихи о любви писал после разлуки, –
когда она выжгла клеймо в сердце моем.

Не желал после детства счастья большого, –
ибо известно что последует после детства.

А теперь хожу возле скорби кругами;
до боли знакома, до боли прожита...

На смерть Юсифа¹⁴

Помнишь ли ты
Свою белую рубашку,
Смуглое лицо и плачущую мать?
Помнишь ли ты
Окровавленный автомобиль,
Рассыпавшийся ранец,
Айтен и меня?
Ну и ну,
Ей-богу, ты герой:
Услышав звук тормозов,
Позабыл целый мир.

¹⁴ Когда мы учились в первом классе моего одноклассника Юсифа сбила машина, за его пустующей партой никто не сидел. (автор)

На смерть Микаила Мушфига

Годов без нас больше нашей жизни,
Жизнь убеждает нас в существовании вечности.

Как много причин прикончить поэта!:
За то, что прервал пост в арабских степях,
Или высказал слово безразличным тоном.

Человек проживает не всю свою судьбу,
Порой жизнь остается на сотни лет после.
Остается, чтоб и враги
Стали тебе друзьями – поминали.
Всё это можно постичь и без седин –
Достаточно, чтоб руки знали оковы,
Душа – боль,
А лоб – пулю.

Судьба безжалостна, но Бог милостив,
Вот, стоим посреди жизни –
Отражают нас зеркала: мы оба равны себе.

А в нашей тени стои'т раненая женщина,
Вся ее жизнь не сто'ит слова «тоска».
Бормочет под нос: дайте перенять вашу боль.

Беседа со стариком

I

– Почему твои глаза налиты кровью?
За вопросом следует тяжелый ответ:
– Судьба с годами становится неприглядной.
– Почему не спишь? Поздно уже...
– Боюсь своих снов...
– Что ты видишь?
– Вижу срубленные деревья,
Вижу как воды оплакивают деревья, –
Все мы греховны...
– Клянусь срубленными тобой деревьями, я тут ни при чём.
И эти «герои»¹⁵ обменяли своих сестер на коней,
А я печалился по ним словно Лермонтов.

¹⁵ Намек на «Героя нашего времени» Михаила Юрьевича Лермонтова (1814 – 1841)

II

– Старик, что такое одиночество?
– Одиночество – порой неспособность поделиться
Всем, что даровал Бог, говорить, что «этот дар только мой».
– А годы приносят забвение?
– Смотрю на тебя и вспоминаю себя молодым,
Какое уж тут забвение?
– Как же мне жить, старик?
– Живи так, чтоб тебе не снились срубленные деревья,
Чтоб воды их не оплакивали.

Невысказанные слова в палате Фидан

Настроила жизнь на мелодию флейты,
И теперь проживаешь слово «нельзя», сказанное доктором.
В глазах болезни читается вражеская ненависть,
Отпусти мою руку... знать невыносимо...

«Смерть – это смерть жизни?», – спросила ты.
Я пожал плечами и промолчал.
«Поэт, прочитай стихи, написанные для Золотой рыбки.
Наихудшее несчастье для женщины –
Забыть о своей женственности», – сказала ты.

И добавила: «Когда у тебя отрастают волосы,
Ты становишься похож на молодых индусов».
У порога меня ожидал мой уход.
Сгущается тьма – и слово «конец» оседает на дно твоих глаз,
Знать, что знаешь, порою мучительно, художник.
Жизнь не помещается на поверхность холста.

Эх, если бы я мог нарисовать «Последний лист»¹⁶
На ветку дерева, что проглядывает из окна...

¹⁶ В знаменитом рассказе О. Генри «Последний лист» героиню – больную уверяют, что когда опадет последний лист с дерева, что виден из окна, та умрет. А «последний лист» оказывается нарисованным. Героиня верит во всё сказанное, а «искусственный лист» не опадает, и героиня в итоге выздоравливает.

Человек

Человек не вырастает,
Растут пеленки, превращаясь в саван.

Человек не попадает в беду,
Любимые его обращаются в рок.

Человек вовсе не плачет,
Это рыдает его смех.

Человек не умирает,
Он возвращается к матери-земле.

Прошлогодние слова

Я здесь утомился. Бежал, отдалялся, не вышло.
Столкнувшись с судьбой, промолчал, чтобы та
Высказала то, что накопилось в душе,
Но она лишь меня слушать хотела.
Хочу замолчать и удалиться,
Как рыба камнем легшая на дно,
Но вода тогда напоминает мне, что суть ее – слезы.
Бежать не могу.

Жизнь на каждом шагу дает мне понять:
Слова «я в порядке» есть «ложь».
В тоске по раю мир становится всё более чуждым –
Будто проснулся в чужой постели
И всё вокруг кажется незнакомым.

Всё за стеклом, колпаком будто на экране...
Многое в мире.
Однако наши уши намозолило не журчанье воды,
Но выстрелы,

Достаточно крупницы чуткости, чтобы узреть:
Слово «мир», доносящееся с трибун,
Не голубь, а ястреб.

В невежестве граф¹⁷ говорил: «счастлив еще нерожденный».
А после он жил помаленьку: когда уверовал.
Мы живем в ту пору, когда мир – преклонный старик,
Он хорошо знает наше нутро, знает на что мы способны,
А мы, как в пору первой любви,
Незнакомы с его повадками,
Потому и интересно жить...

Последышем в нашей семье был не я,
Им была боль, которую терпел мой отец.
Все сносили его избалованность.
Оставив игру неоконченной,
Бросив друзей, кричащих «вернись»,
Я спешил преградить сияние смерти, слепящей отца.
Но этот свет был гораздо выше восьмилетнего мальчика.

¹⁷ Имеется ввиду Лев Толстой.

Моими слезами, текущими тайком от матери,
Вам будут окроплять лица и руки в раю.

Не хочу знаться с новыми людьми, другими людьми.
Новые люди – это «грядущая боль», я боюсь.
Я не ношу те часы, что она подарила,
Не хочу, чтобы его стрелки
Отмеряли нашу разлуку.
Всё,
Всё,
Всё
Рушится людскими руками.

Делай что хочешь, только
Не ищи лекарства от смерти,
Хотя бы умирать следует по старинке.
Любовь – это просить у золотой рыбки
Каждый раз одного и того же человека.
А судьбе невдомек ни рыба, ни вода.
Эх, какие слова вы позабыли...
Например, «возьми меня за руку».

Помню, однажды ночью женщина позвонила любимому;
Чтобы сказать «прощай» своим голосом.
Затем она достала с полки фотографии, где они вместе
И вырезала себя из этих фото:
Оставила любимого там одного.

Однажды и я сжег твою фотографию – не сгорела улыбка,
Сгорели твои глаза – но взгляд не сгорел.
Сгорел твой рот – но слова не сгорели,
Не сгорело всё то, что я так любил.

После того дня мое тело – окровавленная рубашка.
Мои руки «прощальные деревья» – качаются вслед.
Подойди, взгляни на меня, прошу,
Я тебя всё равно прощу.

Мы никого не гнали из дома,
Это люди не смогли к нам вернуться.
Люди уходят безмолвно,
Так же, как птицы летят, не промолвив «лечу».

Если станем оплакивать прежнее горе, землю затопит водой.
Помнишь, однажды глаза покинули твое лицо?
Тогда я тебе не сказал всё, что случилось.
Ты опускала ложь, как веревку в колодезь отчаянья.
А я обманывался, принимая всё на веру,
Ложь нам обоим счастье дарила.
Мы становились счастливыми,
Чтобы жить дальше и дольше...

Клянусь

Клянусь этим часом ночи,
Я как свинец в солдатской ране.
Не могу высказать вам свое горе,
Отныне я сух, нищ и чужд,
Превратное небытие овладело душой.

Клянусь теми днями,
Когда я погружался в сон, склонив голову на колени,
Теперь я словно русло пересохшей реки,
Пусть дожди наполнят мои пустоты.

От боли окаменело сердце,
Будто я вовсе не поэт, а камень, брошенный ему вслед.

Клянусь падишахом внутри, который делает меня мной,
Тем падишахом, чьи солдаты – мои слезы.
Что мне теперь промолвить Ему, что сказать?
Сказать ли, что в эту ночь, в этот вечер
Я столь скорблю,
Что у меня нет для Него ничего
Кроме слова «Благодарю» ?!

Не беспокойтесь

Слово «Родина» теряется в алфавитах тех мест,
Куда ты уехал, когда всё осточертело.
Слово «женщина» не делится по слогам в изменах.
Пусть радость стоит от меня подальше,
Я – везунчик, брошенный в жернова скорби,
Всё равно каждый раз выйду целехоньким.
Сменил облаченье на брэнность,
Цвет лица на солнце,
А здоровье на боль.
За меня не беспокойтесь,
Моя плоть ладно ложится
На зубья всех пил.

Благодарение

Лишь Бога не сможете у меня отнять,
Этого достаточно, чтоб я вспоминал вас
На протяжении всей жизни с теплыми чувствами.
Я счастлив, осознавая: ладонь матери – целый мир,
А я – воробышек, спрятавшийся в этом гнезде.
Знайте, этого достаточно, чтоб я
На протяжении целой жизни возносил Ему благодарение.

Я в этом мире словно нить –
Хватит сил рвануться и порваться –
Всего-навсего не хочется сгнить в водах греха.

Мужскую скорбь не залатать женской иголкой...
Чью бы любовь я не примеривал, кроме
Божьей любви и любви материнской,
Всё трещало по швам.
Когда кончились обращенные к Тебе слова,
Я поднял голову к небесам, словно пьющий воду птенец.

Господи, Ты сам всё понял,
Сам узнал чего нет и что пропало.

Меня написал Ты, а прочла мать,
Остальные лишь вертели на языке.
Теперь для одних – я черновик,
Крепко-накрепко впиши меня в Свое «отсутствие».

Иду к тебе, мой Бог,
Следы идут за мной,
С каждым шагом оставляю сотни дорог.

Пулям назло

Любовь точно «Портрет»¹⁸ Гоголя:
Каждому приносит свою беду.
Когда мы счастливы, нам чудится,
Что живем, благодаря чувствам любимого человека.
Когда мы несчастны, понимаем, что
Нам не дает умереть собственная любовь.

Я посадил у себя в комнате цветок,
Чтобы хоть «что-то» приветствовать по утрам.
Каждую ночь я выключаю свет в комнате
Точно Хусейн, погасивший светильник в просторах Кербела.

Птица в клетке
Верит в необъятность неба.
Не стоит становиться цветком ради дождя,
Надо стать дождем ради любви к цветку.

¹⁸ В повести «Портрет» Николая Васильевича Гоголя (1809–1852) произведение художника попадает в руки самых различных людей и каждому из них приносит свою беду.

Вместо того, чтобы становиться Богом ради человека,
Лучше стань человеком ради любви к Богу.
Вот тогда-то и поймешь, что малыши
Рождаются пулям назло.

Герой из меня никудашный

Может, люди вовсе не плачут,
Когда они плачут – ищут:
Самих себя и потерянных
На улицах слез.
Если выпью, сразу встаешь перед глазами,
Если мы любим или пьяны – теряем голову.
Когда я не смог сказать больному другу название его болезни,
Понял, что мой сжатый кулак не есть выражение моей ярости,
Герой из меня никудашный...

Нога не может забыть о боли,
А сердце – тебя.
Порой думаю о женитьбе,
Жениться, значит, ужиться,
Говорят, женитьба соединяет жизни.
Но, по сути, она дробит, делит жизнь:
На женщину, ребенка, дом и т.д.
Единения нет даже в любви...
Робкие сглатывают слюну,

Выплюнуть, значит, освободиться от отвращения,
Временами я не мог плюнуть на мерзости, которые видел.
Герой из меня никудашный.

Был простым

В раннем детстве украсили его люльку,
Затем ходунок,
Затем игрушечный домик,
Во время женитьбы – свадебный кортеж,
После смерти – гроб,
Надгробный камень.
А теперь сплошь говорят:
Покойный был человеком простым.

Возможность

Бог дает нам возможность блужданий, чтоб мы не заблуждались.
Но разве люд не погряз во блуд?
Давно уже не пишу слова,
Слова просто живут своей судьбой.
Кого теперь уверить в этом бренном мире,
Что язык высказывает боль души,
Предатель во рту сдает нас чужим.
Давно уже на посиделках с друзьями
Я делюсь лишь «общими интересами».
Отныне я не вестник скорбей,
Я разделяю боль своего сердца.
Я попрос –
Вот, к примеру, сегодня взял себя за руку,
Как некогда отец, и вывел на прогулку по городу.

В ночь, когда умер отец

В ночь перед своей смертью
Отец разбудил мать и попросил яблока.
Тогда-то мне и стоило понять,
Что мы воистину произошли от Адама.

«Разотрите мне спину», – сказал он нам
И, наверное, тем самым хотел унести с собой
Следы наших рук.

Теперь я один на один со хворью
В своей комнате, забитой книгами,
Нюхаю ладонь и нахожу утешенье.
Кто только не соседствует на книжной полке:
От непримиримой феминистки и до Пророка...
История в итоге собирает всех вместе,
Собирает то, что разбросала судьба.

Каждый день внутри меня
Поднимают бунт слова,

«Которыми не поделишься ни с близкими, ни с чужими»¹⁹.
Закрываю глаза и выслушиваю боль.
Прошу, если встретите Шейха Насрулла²⁰,
Скажите, чтоб воскресил и меня.

¹⁹ Фрагмент строки из стихотворения «Той девушке» выдающегося азербайджанского поэта Али Карима

²⁰ Герой трагикомедии «Мертвецы» выдающегося азербайджанского писателя Джалила Мамедгулузаде, пройдоха и мошенник.

Призыв

Святой Иисус,
Порой человеку
Остается лишь одно место для опоры –
И то крест.
Отойди, отойди немного –
«дай мне места рядом с собой».

Руки мои не утирают смертный пот со лба –
Руки не решаются стереть
Следы усталой жизни,
Моя жизнь – превращение нежного дерева
В грубый крест...

Потерял, разломал, бросил,
Не захватил с собой,
Ничего не оставил на память от людей,
Отвел свой взгляд ото всех,
Ничего не хочу с собой унести,
Кроме звука гвоздей,
Вбиваемых в твои ладони...

Взывал, к нам взывал некий глас:
«...где сокровище ваше,
там будет и сердце ваше»²¹.
Я потерял всё, что мог –
Но сердце спокойно на пороге смерти.

Не зарубили себе на носу:
«Никто не может служить двум господам:
ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить»²².
Теперь вся жизнь проходит перед глазами
И я вспоминаю, что
Той ногой, которую ненавидел,
Я бежал за мечтами.

²¹ Св. Евангелие от Матфея 6:21

²² Св. Евангелие от Матфея 6:24

Интервью Аарона Аппельфельда

«Стояло лето 41-го года.
Расстреляли
И маму,
И бабушку.
Мне тогда было 9 лет...
А маме 31.
Она навеки осталась такой молодой,
...а я постарел.
Отец был человеком терпеливым
И после смерти мамы
Молчание стало его религией...
Меня всегда волновал вопрос:
Почему мой состоятельный отец
Не распродал во время войны всё свое имущество
И не сбежал?
И лишь после я узнал, что
Всем его имуществом были
Холмы
И леса

Родины,
А их невозможно продать
И сбежать...»
Однажды я составил список,
Вписал сначала имя матери,
Затем имя отца,
Тогда-то и понял, что я не один...

Заметки обо мне в дневнике одного имярека

Писал свои стихи на пачках лекарств,
Влюблялся в женщин, не боясь их коварств.
В день казни надежд ожидал пророчество,
По ночам опирался на свое одиночество.
Его жизнь прошла на пути от сердца к языку,
Спелые слова выбирал в самом соку.
Его воспоминания были в плену у фото,
Страдания делил со страницей пустой.
От лжи уклонялся как от вражеской пули.
И вдруг он исчез, когда зеркала подмигнули...

«Запись моих деяний» ангелами

«Запись» ангела на левом плече:

Его жизнь прошла на холмах нафса –
Каждый раз, откусывая яблоко, он становился Адамом.
Из райского детства
Был изгнан в адскую молодость.
Ему была дарована высочайшая участь
Стать шахидом ради друга,
Он же погасил свечу внутри души
И принялся глядеть на казнь.
Оставался равнодушным к людским судьбам,
Левая рука всегда видела что дает правая,
А правая задушила свидетеля.
Когда за ним пришла смерть,
Многое в его жизни оставалось неоконченным,
Кошка внутри него слизывала
Засохшее пятно молока с досок сердца.

«Запись» ангела на правом плече:

Молчал, чтобы сохранить чистоту слов,
Вдыхал аромат рая с ладоней матери,
Дарил последнюю надежду любимой женщине,
Его сердце не отдыхало ни от ветерка с гор нежности,
Ни в тени двуличия и елейности,
Сгибался лишь от ударов кнута труда,
Когда приходилось срывать плоды доброты,
Тотчас его ноги достигали высоты.

Ключи

Ваши уши заложило своим же бряцаньем,
Ваши глаза ослепли во мраке кармана,
Зубья искривились в пьяных ночах
От попытки разжевать чужие скважины...
Без вас я был – перед дверьми, открытыми Богом,
Сжимались тисками безнадёги – перед замком невезучести,
Боялись – когда ушел с работы,
Плакали – когда я не возвращался домой...
С самого рождения на наш «пояс»
Вешают связку невидимых ключей,
И всегда перед нами захлопывается дверь,
Но другая открывается рядом с ней...

Змея памяти

Твой уход как весть для арестанта «свидания нет»,
Твой приход как раздача сигарет в тюрьме,
Твой взгляд растекается по моим зрачкам как лесной пожар.

Красивые слова цепляются за твои шелковые волосы, –
Словесная эквилибристика бессильна.
Дни, проведенные вместе, полны страданий,
Губы добывают пропитание непосильной работой, –
В твоей готовке тает недовольство житьем-бытьем.
И эта любовь – жизни обман, мимолетный сон,
Боюсь позабыть, моя память – жадный питон.

Глядя на старую актрису

Сколь ни заламывай руки,
Старость не скрыть в ладони.
Жизнь тоже кадр, о рентгеноглазая,
Начинается и кончается...
Смеешься, и твоя красота
Мелькает и теряется...

Теперь ты далекое прошлое,
Напоминающее старикам их молодость,
А молодым их детство – ты то самое время.
Ты один и тот же кадр, который крутят споро
В день памяти покойного режиссёра.

Твои слова уже бессильны
Перед неблагодарными детьми славы –
Они стократ вероломней.
И теперь твои глаза ищут в зале
Не тех, кто любит, а тех, кто еще помнит.

Золотая рыбка

Любовь – просить каждый раз у Золотой рыбки
Одного и того же человека, всё время.
Любовь – это говорить рыбке «Только ее...»
И при этом скрывать ее имя.
Эх, всё это неведомо тем,
Кто боится стука своего сердца,
Кто поправляет галстук, глядя в зеркала,
На которые брызнула кровь любви.
Это неведомо двоеверцам.

В «Такси» Джафара Панахи

Быть казненным проще простого,
Проще простого,
Главное – привыкнуть к петле.

Величайший грех – растить цветы
И поделить их между женщинами,
Чьи карманы всегда полны изюма...

Стихотворение – предолгая смерть,
Те, кто пишут среди людей, чьи желудки пусты,
Знают о чем я толкую...

Женщине, чья ухоженность вызывает зависть,
Не хотелось бы, чтоб в ее ладонь совали деньги,
Не хотелось бы замарать свое имя через руки...

Забыть, забыть – это всем подмога,
Вспоминать тяжкая мука –
...хождение по кругу...

На звук шагов Мёвлуда, поднимающегося по ступенькам...

Звук шагов припал умоляюще к твоим ногам:
– Стой, постой, подожди, не иди.
Звук шагов змеей обвивал твои ноги...
Но никто не остановит гонца,
Спешащего к вершине конца!

Он разmozжил голову своих шагов...
В этом мире многие спешат вознестись...
Развязал пояс жизни с талии смерти:
И бесстрашно ринулся вниз!

Когда он поднимался по ступенькам,
Никого у него не было на белом свете,
Кроме звука собственных шагов.
В последний раз взглянув на нас с высоты,
Бросился на нашу мелковатость ты...

Ударился и понял, что стоять наверху – это жизнь.
Не упрекаем тебя – у всех альпинистов горя конец один...

Последняя песнь для черноокой

Всё еще сдираешь кожу злости,
Всё еще без крови и крова ты,
Всё еще меняешь Мекку любви на идолов,
Всё еще давишь змею в груди,
А я распахиваюсь всецело перед звездами...

Начинаешь вспоминать с первой буквы,
Слова выходят из клеток –
Клонишься лишь вправо, как буква «алеф» –
Но, по сути, убегаешь с левой стороны,
А я поклоняюсь терпению, складываю
Наши воспоминания в библиотеку воспоминаний...

Ты – каллиграф наших воспоминаний,
Переписала набело нашу любовь,
Каждой буквой своей отпечталась в жизни моей
И с позволения моего хладнокровия
Ушла невестой в долину ада...

Наверное, слыхала

Наверное, слыхала,
Что седина в моих волосах сверкает золотыми зубами,
Наверное, слыхала,
Забил я свои карманы делами
Словно семенами гармалы...

Наверное, слыхала,
Выкраден медовый месяц из круговорота года,
Не слушай понапрасну
Мой гороскоп...

Наверное, слыхала,
Я ращу точку,
Чтобы прикрыть слова, что внутри,
Но никакими чернилами не могу замарать
Слово «Любовь», живущее в сердце...

Бывшая

Вернулась бывшая возлюбленная,
Вспоминаем минувшее и ссоримся.
Говорим друг о друге словно о покойниках.
Опираемся головами,
Эти дурными головами,
Горемычными головами.
В убранстве квартиры она выискивает другую женщину –
Ушла как возлюбленная, вернулась как полицейская...
Отправляется заваривать чай,
Спрашивает «где стаканы?»,
«Всё точно там, где ты оставила», – отвечаю я ей.
Она смеется и снимает с себя «полицейскую форму» ...

Восхваление любви

Плоть вопрошает меня «Что значит любить?»,
Думает, что тем самым ставит меня в уязвимое положение.
Любить – значит, жить без врагов, – отвечаю я.
Моя плоть принимается сосчитывать врагов...

Любовь – разлука со смертью,
Любовь – тенистый дар ивы.
Не бойся, отпей любви,
Бокалы не стареют,
Вино никогда не иссякнет...

Загляни в ангельские очи,
Прогуляйся в женской ладони,
Пойми, что ненависть – это страх привязанности,
А любовь – дар от Бога...

Любить...
Пока человек не превратился в собственные руины
В разрухе жизни,

Пока твои детство, молодость и старость
Не обратились в сов на пепелище,
Пока не наступила осень стыда и смущения,
Любить...

Лирика и антилирика

Фарид Тусейн

Иначе не бывает

Надо учиться, стать ученым,
Исследовать твою улыбку.
Надо работать, продвигаться по службе –
Стать мастером поцелуев.

Надо поспориться,
И ты должна спрятать мои часы в своей косметичке.
«Куда они запропалились?», – должен спросить я, чтобы мы
помирились.
Я должен распродать всё своё «имущество»
И выкупить местечко в твоих объятиях.
«Твои ноги с мою ладонь», – должен сказать я,
Чтобы мы посмеялись над тем, как ты миниатюрна.

Ты должна надеть мою солдатскую шапку-ушанку
И я должен обратиться к тебе «мой командир».
Мы должны сфотографироваться
И слово «командир» должно остаться вне кадра.
Всё должно быть именно так, иначе не стать счастливым.

Была

У меня была любимая:
Каждое утро от ее имени
Я крошил хлеб воробьям.

У меня была любимая:
Ее голос походил на солнце,
Любовь в ту пору была мне религией,
А она моей Марией,
Зохрой,
Фатимой.

У меня была любимая –
Чье имя на устах звучало молитвой,
Она в моей судьбе высилась башней,
Точнее, руиной – следами битвы.

Она превращалась в проклятье,
Но я возносил ей хвалу.
Ее горькими слезами
Напивался черт на балу.

У меня была любимая:
Стоило заглянуть ей в ладонь,
Как тут же я видел грехи ее матери.

У меня была любимая:
До меня она во всем
Лгала и врала,
А после меня на всё плюнула.
Вот такие дела...

Старьевщику продала
Память о прежних деньках,
Хотя не нуждалась в деньгах.

У меня была любимая:
Не верила ни в историю, ни в судьбу,
Ни былое, ни грядущее
Не могли ее напугать.

Вчера увидел ее по пути,
Ее солнце спешило зайти,
А в глазах уже ничего не найти.

Алфавит одиночества

Одиночество учит меня алфавиту –

А – нет тебя,

Б – нет тебя...

...

Я – нет тебя...

Заполняю кроссворд –

Вправо вписываю «нет тебя»,

Влево вписываю «нет тебя»,

Внизу само заполняется: «ее нет»

А наверху

Во все четыре стороны твое отсутствие.

Ах, какой я глупец

Не сказала ты мне, что всё будет так,
Не сказала ты мне, что пойдешь по рукам.
Вот последняя спичка, которою я
Свой очаг зажигаю, поджигаю твой храм.

Если б мне ты сказала... сказала бы, что
От любви у тебя болит вся душа целиком.
В моей комнате кот лижет с досок тоску,
А тоска всё растет и встает в горле ком.

Мои силы иссякли, а ты холодна.
И надежд никаких, никаких «может быть».
По утрам твою тень скрывает молитва,
По ночам твоя тень с сатаной хочет плыть.

Не сказала ты мне, ах, какой я глупец...

Нехлюдов – Кате²³

Сейчас судья отправит тебя на каторгу,
А меня к тебе.
Катя, ты потеряла заалевшие щеки,
Когда признавалась мне в любви,
Потеряла потупившийся взор,
Потеряла ту Катю, которая пряталась при виде меня.
Не веди со мной кровную месть своей судьбы,
Если можешь, спрячься снова,
Снова потупи свой взор,
Пусть снова заалеют щеки твои.
Не качай попусту головой,
Катя, мне прекрасно известно,
Что выходит только хуже,
Когда барышня становится мещанкой-женой,
А героизм оборачивается славой.

²³ Нехлюдов и Катя – главные герои романа Льва Толстого «Воскресение»

Жизнь

Размотали клубочек разлуки,
Брожу по белому свету с ниткой в руке,
Опоясываю свою жизнь разлукой.
Сижу
И слушаю с собственных уст
Повесть о своих горестях,
Молчу себе же в ответ.
Моя жизнь – продолжение газели²⁴ Физули –
Повод продолжать свои дни.
Я так одинок,
Что всё двоится в глазах.

²⁴ Газель – строфа арабского стихосложения, является самой распространённой формой стихосложения на Ближнем и Среднем Востоке.

В поезде

Меджнун перешел в стан Лейли,
Потому всегда и проигрывал.
Я перешел на сторону твоих глаз –
Вот и проигрываю тьме-тьмушей людей.

Отдаляюсь всё дальше от твоего городишка,
Вдоль рельс сплошное одиночество,
Прощальная улыбка шастает в сердце, как осколок –
У несчастного несчастны даже воспоминания.

В поезде каждый чем-то занят:
Грызут семечки,
Укачивают малыша,
Продают воду,
Проводник подбирает мусор,
А я быстро прячу подальше от глаз
Салфетку, которой ты вытерла слезы.

Но я всё жив

Рядом нет ее, но я всё жив.
Правда, без нее здесь нет порядка.
Нехотя придется мне
Надевать рубашку в складках.

Без нее мне жить легко и просто.
Вся кровать теперь «моя».
С ней ужиться было трудно,
В горы я тянул, она – в моря.

От нее мне что осталось? Пустяки...
Туфельки, что жали пальцы.
Их убрал от глаз подальше,
Не хочу играть в страдальца.

Перестану быть чистюлей,
На плите забуду суп,
А на вешалке пальто –
Пусть стучит мой зуб об зуб.

Где хочу – могу курить
И душе угодно сколько.
И мое «люблю, родная»
Не разбить уже в осколки.

Дверь моя всегда открыта.
Звать ее или не звать?
Ждет ее здесь пара глаз.
Без нее мне стыдно спать...

Смерть, молчи

В поисках тебя я спустился в колодец,
А ты завалила колодец камнем.
Как я был счастлив, поцеловав мрак,
Накрывший меня от твоего поступка.
Лишь Всезнающий знает это.

Смерть, молчи, я твержу тебе о жизни,
О той жизни, в которой моя любимая
Изготовила снаряд из моей к ней любви.
Стоило ей увидеть перекрещенные доски,
Как она тут же желала мне взойти на Голгофу.

Если жизнь – быть везунчиком в этой мельнице скорбей,
О Всевышний, ниспошли мне счастье смерти скорей.
Я – человек, отпустивший удила удалого коня.
На мне горит шапка волос, но я не вор,
Присмотритесь: я весь горю, от горя горю.

Без тебя

От тебя не убежать,
Не дезертировать.
Ты показала, что
Женщина способна отдать
Всю свою жизнь мужчине
Взамен пары ребер.

Сейчас я – зрочки пьяницы, уставленные в пустую рюмку,
Раб, не знающий кому он продан,
Меня волнует не новый хозяин, а моя судьба.

До тебя я был словом,
Ты утишила, утешила мое одиночество,
Теперь меня пугает звук спущенного курка
Нашей песни.

Склонишь голову – подушкой любви,
А не склонишь – подпоркой для гроба
Станет мое плечо.

Увижу тебя – рукой, протянутой за магарычом,
Не увижу – нищим, вперившимся в шапку я стану.

Не упрекай меня, не говори «ты ушел» –
Не тебя я покинул,
А всего-навсего свою постель.
Хочу постичь предначертанное,
Других дел на свете не имею.

С уст Ахматовой

Не заживает моя рана,
В теле пленница душа.
Щеки мои розовеют,
Если очи твои сокрушат.

Я к очам твоим пришла –
Мне они как мужний дом.
В слово твое влюблена,
В слове я живу родном.

Если взгляд свой отведешь,
Оборвется жизнь. О Боже!
Как просторен этот мир
В одноместном твоём ложе.

Милый, женщинам не верь,
Вот что я тебе скажу.
Полюбив тебя навеки,
Никому не принадлежу.

С уст Цветаевой

От безлюбья сердце не разорвется уж,
Не заплетутся ноги на путях,
Не затвердеет грудь, не зашумит в ушах.
Лишь на шее жемчуга
Станут тусклыми как прах.

Встану рано, чтобы выместь голос твой –
Колдовской,
Срежу тень, что под пятой.
В этих крохотных клетушках
Я укроюсь с головой.

Дремлю в волчьей я своей груди,
И сиротки в моей тени.
Тихо дремлют на полу.
С Богом разговоров не веду –
На Него в обиде я,
Ибо ты сказал «Уйду!».

День влюбленных

Вчера отмечали день влюбленных,
Я не купил тебе цветов,
Но купил цветочек и посадил в горшке.
Вчера слышалась поступь калек –
По этим звукам я догадался, что любовь не пропадает.

С каждым днем у меня внутри
Растет возглас «Бог велик».
Отныне хочу любить женщин
Божьей любовью.

Так и тянет сказать: «Постели мне могилу – лягу спать»,
Но каждый раз меня пресекает пара глаз.
Спрашиваю у каждого, но слышу в ответ:
«Это не мои глаза, нет, нет».

Жить с нелюбимой женщиной

Жить с нелюбимой женщиной под одной крышей
не значит обманывать ее или себя.

Жить с нелюбимой женщиной под одной крышей
означает рыться в любви, как в мусорном ящике –
не ешь, но что-то высклевываешь.

Если живешь с нелюбимой женщиной под одной крышей,
значит, твою удачу украли, как коня конокрады.

Если живешь с нелюбимой женщиной под одной крышей,
открываешь по вечерам свою дверь, как крышку гроба.

А если вдобавок к напастям есть еще дети,
значит, украли все радости, что в тебе жили.

Мужчина не приходит в тот дом, где живет с нелюбимой женщиной,
он каждый вечер приходит на дым пепелища, с которым он свыкся.

Даже лимонад на столе, накрытом нелюбимой женщиной, похож на вино.

Мужчина пьянеет от своего горя.

Если выпало жить с нелюбимой женщиной под одной крышей,

Даже дети в комнатах,

Деревья в саду

И цветы в горшках

Растут нехотя.

Время течет вспять.

Если живешь с нелюбимой женщиной под одной крышей,

Я вижу для тебя лишь один выход –

Родиться заново.

Ахиллесова пята

На всех картах твои места
Помечены красной линией,
Все компасы ведут к тебе, к тебе.
Люди делятся надвое: на себя и чужих.
Твои глаза – стрела Париса,
Мое сердце – пята Ахилла,
Все твои «да» нравятся мне,
А каждое «нет» словно иголка ежа...
Ты прекрасно знаешь мои слабые места.

С тех пор как ты ушла...

Что изменилось с тех пор как ты ушла?
По-прежнему солнце купается на Востоке и тонет на Западе,
По-прежнему мой друг-чернорабочий ушибает руки.
Что изменилось с тех пор как ты ушла?
По-прежнему летом я смугл,
А зимой относительно светел,
По-прежнему друзья поднимают тосты, опустошаются бутылки,
И раньше так было.
С тех пор как ты ушла
Выросли лишь счета за свет.
Я просматриваю свадьбы, где ты танцуешь,
Слушаю твой голос.
А долгов за телефон больше нет.
С тех пор как ты ушла я занимаюсь политикой,
Сменяю людей в своем сердце.
Что изменилось с тех пор как ты ушла?
Всё на своих местах –
Как смерть, так и я.

Люблю целиком

Как прекрасны руки твои,
И ресницы, и глаза.
Когда уходишь, сначала смыкаются ресницы,
Вынимаются твои глаза из моих,
Затем руки улетают из моих ладоней,
А напоследок ноги уходят от меня.
Я люблю тебя целиком.
Почему ты отдаляешься по частям?!

Больше никогда

Отныне меня всё больше
Заботит судьба вещей:
К примеру, купленные тобой часы
Нужны не для того, чтобы показывать время,
А для подсчета твоего отсутствия.
Сейчас для меня человеческая преданность
Заключается в неустанном возвращении
К подчеркнутым тобой фразам
В тех книгах, которые мы читали вместе.

Со следующего абзаца

Интересно, кто сейчас считает
Свои счастливые деньки
По твоим пальцам?
Скучаю по нашим «грешкам» –
Воспоминания стучатся в сердце...

Четки

Как и чем назвать эту жизнь?
Тело, в котором мы ходим,
Похоже на бессменные брюки, рубашку –
Носи до протертых кармашков,
Пока не испустишь дух,
Пока свет в глазах не потух.
Счастье – жить под одной крышей,
Тоска – под одним небом,
Взбираясь взглядом всё выше и выше.

Повторяю твое имя с помощью четок,
Что с солнца свисают...
Смотришь издали:
«Чего это он
Там себе бубнит?»
...знаю... всё знаю...

Как горы

Прячу тебя от себя,
От своей памяти
Словно весть о смерти.
Прохожу с зажмуренными глазами
По тем местам долины воспоминаний,
Где ступала твоя нога.
И растет безмолвно горе внутри –
Как горы.

Одиночество

Когда я Его полюбил,
То всегда сосчитывал членов семьи
На одного больше –
И мне пеняли за эту ошибку.
Сгибаю сейчас пальцы –
Считаю отдельно живых,
Отдельно умерших –
В моей жизни всех не хватает...

Стихи, написанные на обороте фотокарточки

Стоишь на фото – в моем отдаленном прошлом,
На совместных снимках я раньше смотрел на себя,
А сейчас смотрю рядом ты стоишь или нет.
Как будто хочешь убежать даже с фотографий,
Однажды загляну в альбом и не обнаружу тебя.

Как жаль, что на фото нет места для забвения –
Дата снимка под твоими ногами.
Не могу сжечь снимок и тем самым спастись,
Ведь не смогу выкинуть из памяти день сожжения.

В мгновении ока...²⁵

Под дождем стоит чинара,
Под чинарой человек,
«Под» человеком нога,
Под ногой шаг,
А под шагом муравей
Порой не успевает вздохнуть «умираю».
В руках неба картина – Солнце и Луна,
Море – зеркало Солнца и луны,
Внутри моря рыба,
Внутри рыбы икра,
Порой не успевает вздохнуть на плите «сгораю».
«Внутри» человека сердце,
Внутри сердца любовь,
Внутри любви любимая.
Человек порой не успевает вздохнуть «люблю» – умирает.
По сути, и любовь, и смерть

²⁵ Этот поэтический экзерсис написан под влиянием стихотворения Назыма Хикмета «Сказка сказок»

Скрываются в безвременье.
Часы, минуты, секунды – условные единицы времени,
И любовь, и смерть случаются в мгновении ока,
В мгновении ока...

Хлопок одинокой ладони

Если убьешь меня, некому будет
Отдать окровавленную рубашку.
Я боюсь не смерти, а того,
Что моя рубашка
Останется сиротливой.

Ничего от меня у тебя не осталось,
Ты вынула даже ребро, которое я тебе отдал.
Теперь ты свободна и независима,
Но шрам не придает тебе дополнительный шарм.
После тебя я каждый божий день кормлю пташек, –
Хочу, чтобы хоть кто-то нашел у меня прибежище...

Всё знает Всевышний

Ты последний мой сон,
Что будет снится мне весь остаток дней.
Каждый раз, просыпаясь, буду кричать:
«Будь проклята жизнь без тебя».
Жить без тебя – вот мое искушение, мой грех.
Тот, кто любит тебя, выроет себе могилу на солнце –
Будешь гулять в тени и не топтать мою могилу.
Я любил тебя, пока не высох весь пот в аравийских степях,
Теперь не смогу забыть, покуда не испарится всё море.

Отсутствие

Лежу в постели,
В однокомнатной клетушке,
Измучаясь тому, что я человек в квадрате.
Сейчас я проживаю всю жизнь глазами,
Всё проходит мимо перед моими глазами.

Воспоминания стали чужбиной сердцу.
Сейчас могу молчать часами,
Так как незнаком с этой чужбиной.

Отныне я как калека, вспоминающий ногу,
Глядя на свой костыль:
Ощущаю отсутствие не всем своим существом,
А по стуку деревяшки...

*Города и
стихи...*

Фарид Тусейн

Санкт-Петербург

Слова утомленного мыслями

Кресты на церквах
Похожи на вонзенные мечи.
Беды, что вспомнил на чужбине,
Терзают душу, разрывают сердце –
Не по-местному, а по Бакинскому времени...

Эта арена сражения оглохла
От гласа «вопиющих в пустыне оружий»,
Наши уши не слышат.
Со звоном колоколов топчут дороги
Наши ноги, пока легкие дышат...

Справедливо ли? –
Вечностью платим за бренность,

Раем платим и адом,
Вечной мукой, вечным блаженством.
Пиррова победа – устоять на ногах –
В этом мире с земным притяженьем,
В мире, что обратит нас в прах.

В храме Спаса на Крови

Может, с каждым новым памятником,
С каждым пригвожденными брусьями,
Иисус вновь восходит на крест.
И в храме жизнь тьмы-тьмущей людей
Проходит в поклонении – первородным грехам.

Может, с каждой зажженной свечой
Всякий освещает свои грехи.
Может, с каждым колокольным звоном
Утекает время, как вино покидает мехи.

Крест – не пригвожденные брусья,
А название места, куда переселился Христос –
Ибо не осталось для смерти места не окропленного кровью
И некуда было деться.
Крест для Иисуса оказался верным другом –
Не на кого было ему опереться...

На мосту Александра Невского

С каждой секундой фотографий становится больше,
Чем песчинок во всех пустынях.
Мгновения, которые хотим сохранить
Умирают на наших руках, и вскоре стынут.

На фото мы стараемся
Хоть бы на миг выглядеть красивей,
Ибо прожить красиво целую жизнь
В этом мире почти невозможно.
На каждом снимке головою вертим
И смиряемся со смертью.

Скоро мост разведут,
Сперва покажутся грузовые,
Затем пассажирские суда.
Будто впереди бегут грехи,
А за ними поспешают сами грешники,
Покорно ожидая Суда.

С каждым днем человек превращается
Из сарвана²⁶ жизни в верблюда каравана грехов.
И в этом странствии знают одни лишь пути,
Что всякий невольный спешит до дома дойти.

²⁶ Погонщик верблюдов

Белые ночи

Где же ты, Солнце?
Не отвести глаз от дорог.
Эта ночь готова сменить
Свое безмолвие и трепет
На младенческий лепет...

Тишина договаривает
Последние слова рассвету.
Вскоре дрогнет ушная перепонка
И проснется материнская забота
На голос ребенка...

Москва

Московские цветы

Хрипит московская рань,
как человек, у которого перехватило дыхание.
Корабль, отплывающий в неведомое,
Что у меня есть, кроме рук,
Которыми хочу помахать тебе вслед?

Пароход, пока ты отплываешь,
Господь льет тебе воду наудачу вослед.
В этих краях дожди очищают улицы, как посуду – до сверкания.
Поцелуи заодно с морозом – краснеют тела.
Красная площадь – женская шея, вспыхнувшая от первого поцелуя.
Я кажусь себе Земным шаром,
А красotka, что рядом, в объятьях моих как Луна.

Я люблю красоту без метафор –
Как имена Всевышнего.
Мои стихи читает воздуху пар изо рта.
В это время нежный голос,
Оставляя верным своей утонченности,
Спрашивает: «О чем ты думаешь?»
Я тут же отвечаю: «О тебе»,
Будто готов был к ответу с самого рождения.
На мое плечо опускается головка, голуби-боли взлетают ввысь.

«Я старик-слепец²⁷, каждое утро отправляюсь
Созерцать восход.
Потерял глаза, но не смирение»,
Люблю и то, чего не вижу. Ради Творца.
Столько поводов быть благодарным,
Если примемся считать, состаримся так всё и не вспомнив.

²⁷ Намек на образ Слепого Старика из рассказа Василия Шукшина «Солнце, старик и девушка»

На слова «Я люблю тебя»,
Мечтаю услышать не «Я тебя тоже»,
А возглас «Аминь».

Мир – это старое кладбище смеется над нами.
Над нашей суетностью, «бессмертием».
Грёзы – вот что питает людей,
Так что мы потихоньку забыли
Убийство первого человека.

Кто есть учитель? – Кто знает ответы.
Значит, жизнь не учитель,
Она учит задавать вопросы.
А еще, можно жить не спрашивая – как заповедано –
И вот тут-то и решается парадокс:
Вопросы рождаются, когда живешь неправильно.

Москва, город, чьи пароходы к лицу этим водам,
У тебя есть морозы, чтоб пробрать до костей,

Есть горячий чай, чтоб согреться.
Твои рюмки полны, а бутылки пустые,
Высыпали на улицы люди – зерна граната.

Порою кажется, что моя жизнь чей-то сон,
Проснется тот человек и жизнь моя завершится.
Странно, бывает, я и вправду во всё это верю.
В такие минуты краски стекают со стен,
Закрываются окна –
Я отступаю от пейзажа судьбы.

Если б человек состарился внезапно,
Быть может, лучше ценил бы жизнь.
А жизнь как на фото –
Никакого движения – покрывается пылью.

...Я утомил себя своею же жизнью.
Как плохо играть, зная, что это игра.
Что мне сказать, – всю правду знает лишь Он.

Я не хочу привносить в жизнь ложь
Своим знанием – потому и молчу.

Знает Бог,
Бог знает, что хватает одной одному.
Толпу не обнять, не объять потому.
Москва, вот теперь закурю сигарету –
Горечь осядет на небе,
А дым развеется в небе.

Каир

*Глядя на Нахрун-Нил*²⁸

Порой не хватает целой жизни, чтоб кого-то вспомнить,
А если хватит, то примешься думать днями, ночами:
...Во всю длину Нила...

Утопших не ищут,
Река же не теряет
Сгубленные души, а бережет в ладони...
...Во всю длину Нила...

На одном берегу сожженные здания, как раны,
На другом – дорогие рестораны,
Один берег – поюстороннее,
Другой – потустороннее.

²⁸ Нахрун-Нил – так египтяне называют реку Нил

Из одного мира в другой
Лодочники переправляют за пять джунейхов²⁹ с каждого.
Эх, видела бы меня сейчас мать, глядя с моста,
Наверно, приняла бы лодку, в которую сел, за люльку.

Влюбленные кидают в реку бумажки с пожеланиями,
А рыбы глотают мечты размером с миры,
Но, тогда, почему не сливаются судьбы с Нила душою?

²⁹ Джунейх – египетский фунт, государственная валюта Египта

Участь Каира

Здесь жители «Мертвого города» хоронят
Своих близких за поколением поколение
В подвалах своих домов;
Здесь если плачешь из-за какой-то мелочи,
Значит, в то же время оплакиваешь усопшего –
Стоя над могилой.

Танки на площади Тахрир³⁰
Всё еще стерегут задремавшую революцию –
Если народ поднимется, его усыпят огнестрельной иглой.

Огни на базаре Хан Халил
Тускнеют на лицах прохожих;
Может, они, эти огни постигли людские страдания?
А меня чуть ли не сводит с ума,
То, как старуха в облаченье невесты выпрашивает милостыню.

³⁰ Площадь Тахрир – площадь в центре Каира, чье название означает «Площадь освобождения»

В моем возрасте мне хватает
Отодвинуть занавеску в номере отеля,
Чтобы понять: слова бессильны, а мечты – обман.
Хвалители религии, входя в мечеть,
Снимают обувь свою и крепко держат в руках.

Сейчас в колыбели мира
Надежды мужчины, продающего бусы,
Старика, груженного рутой,
И мастера, изготавливающего игрушечные храмы,
Не предъявляют спроса к революции –
Все умерли вместо себя же: жизнь мудра.

Говорят, на чужбине ты слеп, хоть смотри в оба;
Это и вправду так...
Эти стихи – речь слепца
О том, как он видит мрак...

Лондон

Биг Бен

Распял время своими стрелками?
Стучишься в двери запечатанных тайн
В конце каждого часа?

Биг Бен, часы следовало бы поместить
Не над нашими головами, а под ногами,
Чтобы мы видели время не запрокинув головы,
А расстроено глядя вниз.

Биг Бен, знаешь, время тянется медленно,
И твои стрелки напоминающие автомобильные дворники
Как будто устало смахивают пот времени...

Стамбул

В Стамбуле

Порой в большие города
Едешь за какими-то воспоминаниями.
Едешь, чтоб повидать:
Что еще изменилось, кроме наших судеб?!

Красота чужбины еще и в том, что
Тебя никто не ждет
И не задают вопроса «когда вернешься?».
Гамлетовскими шагами меряешь улицу,
Каждое утро просыпаясь ото сна на чужбине,
Замечаешь: запястье тоски стало чуть толще.

Как же прекрасно верить в сладкую ложь
На этой тихой чужбине:

Жизнь сняла с тебя посмертную маску,
И лишь у меня «портрет» последней улыбки.

Шагаю по улице, льет дождь, красиво...
Мальчонка рукавом рубашки вытирает свой саз.
Где-то некий влюбленный обещает себе:
Больше никогда не заплачу.

Брожу по улочкам,
Напевая колыбельную своим новым затруднениям.
Полицейские уводят кого-то в наручниках,
А тот через шаг оборачивается назад – на свободу.

Стамбульское одиночество

Пошел к проливу – нет тебя,
Опрокинул раки сиротливо – нет тебя.
Мост перешел торопливо – нет тебя.
Таксим без тебя,
Платья в витринах без тебя,
Даже базар без тебя...
На рыбном рынке имя не выкликнули,
Букинисты не узнали,
Ни фотографии твоей,
Ни голоса нет.
Значит, я не гулять сюда приехал,
А тебя искать.

Дополнение к песне «Ах, Стамбул»

Тебе бы сейчас листать «Руководство для беременных женщин»,
А я сейчас читаю «Прогулки одинокого мечтателя»³¹,
И с каждым днем твое отсутствие заплывает жиром.
Разлука кричит на меня
Гласом Назыма Хикмета,
А я вздернув плечами, отмалчиваюсь.

Каждую ночь кладу в постель розу – рядом с собой,
Просыпаюсь и вижу: она отражается в зеркале,
Глядя в которое ты прихорашивалась.
Думаю лишь о тебе непрерывно,
Потому больше никого и не помню...

³¹ Произведение Жан-Жака Руссо

Стамбульские ночи

Стамбул,
Вечерняя тьма расстилается на семь холмов,
У морей широкие объятия,
Воды дремлют обнявшись с берегами.
А я
попирая ногами пути-дороги
пришел выжать лимон на твою рыбу.

Пусть раки всегда будет безгрешно белой,
а хлеб черным, как земля.
Я пришел соединить кровати,
что отстоят друг от друга
в забытых безлюдных отелях.

История демонстрирует нам
меч героя с посохом пророка,
ключи от Каабы с ожерельями стерв –
всё это вместе.

Я постеснялся
спросить в «Топкапы»³², о Стамбул,
у мечей о пролитой крови.
История проходит, шепча глаголы
в прошедшем времени.

Видя на твоих улицах детей,
нюхающих клей,
шансы, что преподносят
крутящиеся рулетки,
я понял кого и куда увезли поезда.

Спросил: «Счастлив ли ты, о Стамбул?»
Ответил: «Такого не спрашивают
у того, кто внимает голосу Сезен».

Кларнетист – уличный музыкант,
продолжает игру, глядя не на пальцы свои,

³² Имеется ввиду исторический дворец Топкапы, в настоящее время функционирующий как музей

а на монетки, что бросают в шапку ему,
играет, вдыхая в кларнет
боль, что в легких своих накопил.
Я считаю твои горести,
а ты забываешь пальцы свои, Стамбул,
забываешь душу свою...

Слово войны

Отец, у которого умер новорожденный малыш
Поверил в бренность мира.
Мать, оплакивающая младенца, умершего в ее утробе,
Ни с кем не смогла его сравнить.
Мать собрала в ладонь пепел сгоревшего сына –
Заново заключила его в объятия.
Ребенок, оставшийся без отца, не плакал,
Он вовсе не был бесчувственным, а просто не понимал смерть.
Гробовщики выкапывали землю, которую никогда не засеют.
Бегущие за гробом не понимали,
Что бежать за смертью невозможно,
Невозможно ее догнать.
Отец позабыл о словах «мужчины не плачут»,
Он плакал как настоящий мужчина.
Жена не оделась в цветастое платье,
Это кровь мужа впиталась в ткань.
Женщины, рвущие на себе волосы,
Позабыли расплести косы.
Дети собирали с земли гильзы

Война

И тащили в свои игрушечные домики.
Ахмед, поглаживающий лоб умершей собаки, говорил матери:
– Мама, Серый спит, не могу его разбудить.
Каждый плакал по-своему.
Но даже разноголосица скорби звучит монотонно.
И только
Девушка, льющая воду на окровавленные руки любимого парня,
Не забыла среди стольких возгласов «смерть»
Заветное слово «любовь».

Слезы войны

Выпрашивает голос сына
Мать шахида –
Никто не совершает добрых дел...
Жены возвращают мужьям
«Цветочный долг» –
Цветок на могилах созрел...
Дети смотрят в будущее –
Груды убитых тел...

Молчание войны

Когда умерла моя женщина
Все попрятались в свисте пуль –
Своими руками я обмыл ее
И похоронил –
Укрыл землей.

Вернувшись домой, я ее не нашел,
Побежал к реке с вопросом:
– Если заплачу, выйдешь из берегов?
Промолчала река...

Побежал я в поле,
Спросил у хлопка:
– К лицу ли ей был саван?
Немой оказалась нива...

Пришел я к земле
И увидел свою женщину там...
А свиста пуль не слышать...

Добравшись домой я увидел, что сын мой
Плачет, опершись спиной на свист пуль...
...я утер слезы земли...

*Журнальные
Стихи*

Фарид Тусейн

Безмолвие

Меня приковали к скале одиночества,
Орел тоски гложет мою печень,
Каждую ночь разлука подбрасывает дрова
В топку твоего отсутствия,
Каждую ночь я всё больше воспламеняюсь.
Женщины, не любящие «героев», настоящие героини,
Спасибо, что полюбила меня,
Я не пишу тебе стихов,
Я в этом месте переношу на бумагу твое отсутствие,
Боль от кандалов на запястьях моих
Перешла в браслет, подаренный тебе,
Наверно, и твои руки сейчас там ноют от боли.
Ты от «Золотой рыбки» просила лишь меня,
Свой платок обратила в даяние.
Не посылаю тебе воздушных поцелуев,
Чтобы их не расклевали птицы,
Когда плачу по тебе, утираю слезы ладонью,
Не говори: «Где же ты? Почему не приходишь?»,
Каждую ночь я поношу свои ноги,

Прийти не могу – потому все мои страдания
Обратились в нитье ног,
А кровь – в слезы,
Проснувшись в ночь порою я слеп,
Без тебя мои руки – не объятья,
Без тебя конец жизни – глухая стена...

Ночи

По ночам вся боль растекается по телу,
Невозможность уйти оседает в ногах,
Любимая оседает в сердце, мать – в слезы мои,
Вбираюсь в кулак и стискиваюсь в ладони.
Бессилие ноет в руках,
Одиночество спорит с душой,
Не могу найти общего языка с разлукой,
Вот и не держу языка за зубами.
Обходил, обошел всю свою плоть,
Не нашел для забвения ни одну клеть.
Моя плоть всего лишь воспоминание,
Оставшееся от одной женщины.

Страдания

Твоя любовь бесконечна словно кровь Насими,
А мое сердце размеров с палец Захида,
От любви порой становятся вероломными.
Судьба далеко не всегда говорит тебе, как нежная сестра:
«О брат мой, родной!».
Правду говорила Марина³³:
«С кем бы Жизнь меня ни венчала!
Начинать наугад с конца,
И кончать еще до начала».
Опоздал я быть счастливым,
Всю жизнь отбрасываю тень на любимую.
«Не плачь», – говорила мне по телефону со слезами в голосе,
Хоть умру – не забуду.
Когда раздастся праздничный голос мамы?
Внесите мамин голос в календарь.
Сегодня впервые отведал черешни,
Но жаждал вдыхаться в мамины руки,

³³ Имеется ввиду Марина Цветаева

Горчайшие слёзы в моих глазах чисты как стеклышко,
Вся красота моих страданий в том,
Что малыши обо мне не ведают ни слухом, ни духом.
Все сокрушаются, сочувствуют мне,
А племянник улыбается, слава Всевышнему.

Отец всю жизнь
Городил себе место размером с могилу,
А потом как-то утром ушел и больше не вернулся.
Следы отца на дорогах, по которым он шел,
Обратились в безвыходность.

Тюремные хайку

Тюрьму снесли –
Камни обрели свободу,
Арестанты «новый дом».

Арестанта повесят.
Потому он молча прядет
Про себя веревку по ночам...

Природа хранит верность –
Утром восходит Солнце, по ночам Луна.
Надзиратель не отмечает эти свидания.

Арестантов заботит
Лишь один вопрос о других:
Интересно, чем они сейчас заняты?

Скрестив руки за головой
Смотрит на стену так пристально,
Что взгляд буравит камни.

Надзиратели...
По утрам будят заключенных
Не ото сна, а от грёз...

Он убил свою женщину,
Мать своего сына...подругу дочери:
Его грех растёт с каждой мыслью.

Ветер крадет целлофаны на волю,
Прямо на виду надзирателей –
Даже стукачи их не закладывают.

Тайком от надзирателя
Пускают муравья по стене:
Хотя бы пусть он выйдет на волю.

Преступник вернулся с суда.
Принес вместе с собою сюда
Стук судейского молотка.

Во время свидания
Гладил дочь по голове.
Здороваться за руку не хочет ни с кем.

Стоят в очереди за телефоном:
Шаг за шагом
Приближаются к звуку.

Сын Али пошел в школу, Мурад стал отцом,
Дороги починили, деньги сменились...
Замерло время.

У Али сегодня было свидание с женой,
Ночью будет нюхать ладони.
Жар-птица в небе всё-таки лучше...

Водитель, учинивший аварию,
Все еще вздрагивает от сигналов машин,
Что доносятся в камеру с улицы.

Стоим в очереди за едой,
Железная миска грохочет, как колокол.
С каждым шагом чаша становится меньше.

По мере того, как убывает срок
Съеживаются стены. По утрам просыпаемся
Не от женского голоса, а скрежета двери.

Считает прутья решетки,
Делит на месяцы,
С надеждой об амнистии.

Привели арестанта после побоев:
Кровь преследовала его
От изолятора до самой камеры.

Режут вены, рассекают голову, –
Арестанты, не выносящие вида крови,
Отмоют асфальт.

Потирая глаза
Рассказывают друг другу сны
Будто свежие новости.

Морщины на лбу
Старика-арестанта –
Тень железных решеток.

Каждому новичку заново рассказывает
Свое преступление. Каждый раз
Заново принимается страдать.

Сидит уже пятнадцать лет.
Но слушает те же песни,
Что когда-то на воле.

*Минималистические
стихи*

Фарид Тусейн

Играем в снежки.
Во всех бросаешь нежно,
А меня будто побиваешь камнями.

Фотографии покрывает пыль:
Это небыль,
Это быль...

Цветы не верят
В свой окрас –
Увядают...

Части речи:
Любим прилагательными,
Расстаемся с глаголами.

Девушка, бросившая воду мне вослед,
Смывает мои следы
Из тропинок свой жизни.

Бог дарует нам
Жизнь,
А люди отнимают время.

Баловали, миловали ребенка.
А час спустя побили.
Тогда-то он и понял: любовь мимолетна.

Когда я мастерил бумажные кораблики,
Знал, что дальние страны мне заповеданы.
Но когда мастерил бумажные розы,
Не знал, что наша любовь окажется всего-то игрой...

Шагаю на снегу,
Только левая
Оставляет следы.

Эзоп боится разорвать цепи:
Знает, что
Мы посадим на них собак.

Идет война:
Солдат пережевывает во рту
Грезу о домашнем хлебе.

С ходом времени
Забываю твои грехи
И вспоминаю свои.

Может, счастье – всего лишь
Видеть, как до моего возвращения
В квартире включается свет...

Каждый раз видя тебя
Пересчитываю ребра –
Двух не хватает.

Даже не знаешь, где мои письма,
Что я тебе писал.
Ничего, я не обиде,
Ведь помню все слова наизусть!

Деревья – безропотные герои мира,
Со дня рождения вас закапывают в землю живьем...

Свет взбирается по зданию этаж за этажом,
Каждый этаж – ступень света.

Могила парня, погибшего в автокатастрофе,
Переживает за машины, лихо мчащиеся
Вдоль кладбища.

О могила, на которой жухнет сямени,³⁴
Поздравляю тебя с праздником Новруз.

На лбу морщины,
А ладони сжаты.

³⁴ Сэмэни – проросшая пшеница (солод), один из главных атрибутов праздника Новруз (20-21 марта), являющегося символом благополучия, плодородия и прихода весны

Во лбу пуля,
В руках автоматы.

Я назову случившееся – потехой ленной.
А ты совсем иначе – изменой.

В кавычки должен был взять свои стихи,
Ибо они сердца моего слова, моего сердца.

Мир не квадратный,
Но мы частенько упираемся в стены.

Ах, знаю, знаю, смерть отца
Окажется старше моего сына.

Слава Тебе, о Всевышний,
Даже сатану Ты сотворил ангелом.

Целую жизнь сердце стучится в дверцу груди – не отпираем,
Может, это и есть истинная жестокость.

«Мама, покрась волосы», – говорим мы ей.
Может, это вовсе не оттого, что мы так тебя любим,
А для того, чтоб скрыть свои грехи.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Уроки воспитания души

Торжественное разочарование.....	4
Сон, рассказанный пророку Юсифу.....	6
Узелок воспоминаний.....	11
«Посвящение» террору.....	12
Камни-объяття последнему вздоху.....	13
Я.....	15
Моя жизнь.....	16
Утешение.....	17
Мухаммеду Хади.....	18
1937-ой год, показания Фариды Гусейна в НКВД.....	20
«Не могу молчать».....	21
Ложь.....	23
Сожаление.....	24
Для бабушки.....	25
Кто там?.....	26
Счастье.....	27
Стихотворение 25-тилетнего.....	28
Прощать.....	29
Понимаю.....	30
Когда не просят.....	32

Поэты.....	33
Чего вы хотите?.....	34
До боли знакома, до боли прожита.....	35
На смерть Юсифа.....	36
На смерть Микаила Мушфига.....	37
Беседа со стариком.....	39
Невысказанные слова в палате Фидан.....	41
Человек.....	43
Прошлогодние слова.....	44
Клянусь.....	49
Не беспокойтесь.....	50
Благодарение.....	51
Пулям назло.....	53
Герой из меня никудышный.....	55
Был простым.....	57
Возможность.....	58
В ночь, когда умер отец.....	59
Призыв.....	61
Интервью Аарона Аппельфельда.....	63
Заметки обо мне в дневнике одного имярека.....	65
«Запись моих деяний» ангелами.....	66
Ключи.....	68
Змея памяти.....	69
Глядя на старую актрису.....	70

Золотая рыбка.....	71
В «Такси» Джафара Панахи.....	72
На звук шагов Мёвлуда, поднимающегося по ступенькам.....	73
Последняя песнь для черноокой.....	74
Наверное, слыхала.....	75
Бывшая.....	76
Восхваление любви.....	77

Лирика и антилирика

Иначе не бывает.....	80
Была.....	81
Алфавит одиночества.....	84
Ах, какой я глупец.....	85
Нехлюдов – Кате.....	86
Жизнь.....	87
В поезде.....	88
Но я всё жив.....	89
Смерть, молчи.....	91
Без тебя.....	92
С уст Ахматовой.....	94
С уст Цветаевой.....	95
День влюбленных.....	96
Жить с нелюбимой женщиной.....	97
Ахиллесова пята.....	99

С тех пор как ты ушла... ..	100
Люблю целиком.....	101
Больше никогда.....	102
Со следующего абзаца.....	103
Четки.....	104
Как горы.....	105
Одиночество.....	106
Стихи, написанные на обороте фотокарточки.....	107
В мгновении ока... ..	108
Хлопок одинокой ладони.....	110
Всё знает Всевышний.....	111
Отсутствие.....	112

Города и стихи...

Санкт-Петербург.....	114
Слова утомленного мыслями.....	114
В храме Спаса на Крови.....	116
На мосту Александра Невского.....	117
Белые ночи.....	119
Москва.....	120
Московские цветы.....	120
Каир.....	125
Глядя на Нахрун-Нил.....	125
Участь Каира.....	127

Больше никогда

Лондон.....	129
Биг Бен	129
Стамбул.....	130
В Стамбуле	130
Стамбульское одиночество	132
Дополнение к песне «Ах, Стамбул».....	133
Стамбульские ночи	134

Война

Слово войны	138
Слезы войны.....	140
Молчание войны	141

Тюремные Стихи

Безмолвие.....	144
Ночи.....	146
Страдания	147
Тюремные хайку	149

Минималистические стихи	155
--------------------------------------	-----

Фарид Гусейн

Больше никогда

Директор издательства: *Эльман Гасымов*
Дизайнер: *Матанат Бабаева*

Подписано к печати 30.08.2017
Формат 64x70 1/16. Объем 10,5 п.л.
Заказ № 28. Тираж

Отпечатано в “Zərdabi LTD” MMC
☎ раб.: (012) 514-73-73,
Моб.: (050, 055) 344 76 01
e-маил: zerdab_em@mail.ru